

А н т о н Р а м с т

Город
с нарисованными
домами

Р а с с к а з ы

Антон Рамст
**Город с нарисованными
домами. Сборник**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27624141
SelfPub; 2017*

Аннотация

«...меланхолично, немного устало... красиво. весь рассказ воспринимается, как табачный дым – легко, грустно, невесомо. Он словно улечувивается, и поймать его уже нельзя...» Для меня лучшим эпиграфом к этой книге были слова Харуки Мураками "...А какой текст может написать человек, посреди ночи роющийся в холодильнике на спящей кухне? Только вот такой и может..." Несколько рассказов о призрачном, хотя и реально существующем Городе. Размышления о поиске, свободе, одиночестве и выборе. Их можно воспринимать как единое целое, а можно как несколько самостоятельных историй. Возможно, плавно перетекающих одна в другую...

Содержание

ЧТО-ТО О НЁМ	4
ГОРОД С НАРИСОВАННЫМИ ДОМАМИ	23
АМНЕЗИЯ	38
ЛАБИРИНТ	57
ЗАКАТ ЭЛЛАДЫ	62
ЗАРОЖДЕНИЕ	65

ЧТО-ТО О НЁМ

Будем смотреть правде в глаза: сегодня он, по-видимому, не придет. Не знаю почему, но я это чувствовал. Последние несколько лет он всегда приходил ко мне в третий четверг ноября – День Памяти Всех Умерших. В этот день их всегда отпускали встретиться с близкими, хотя, может быть, и в другие дни им можно было возвращаться, но ко мне он заходил только в этот единственный день в году.

Как правило, вскоре после наступления сумерек раздавался стук в дверь, иногда в окно, а иногда, если я засиживался где-нибудь и приходил под утро, я заставал его сидящим в кресле с открытой и уже наполовину пустой бутылкой красного вина в руке.

Мы говорили обычно о самых банальных вещах: о музыкальных новинках, книгах, общих знакомых, короче говоря, простые разговоры «ни о чем». В принципе, и раньше мы виделись не особенно часто. Но... но в этот раз все было иначе: он не придет, я знаю. С чем это связано? Возможно, что он пробился – там у себя – на какую-нибудь должность (зная его, я бы не удивился), правда, я даже не знал, где он конкретно: в раю или в аду, хотя он ужился бы и там, и там. Хотя – я вдруг задумался – я ведь даже не знаю, отчего он умер и когда. Даже о том, что он умер, я слышал только от него самого, точнее, я так понял из его разговоров – напрямую

он этого никогда не говорил. Я подошел к холодильнику, налил себе водки, выпил и решил, что сейчас лучше всего лечь спать и с утра начать пытаться узнать, что же тогда произошло.

Телефонный звонок сверлом впился мне в уши, голова раскалывалась. «Вот черт! – подумал я. – Почему никогда не получается выпить только одну, ну две рюмки? Почему надо обязательно надираться?» Я нащупал трубку и нажал кнопку приема.

– Алло, дружище! Ты чего, спишь что ли? – Это был мой старый приятель, один из тех, с кем мы провели когда-то «годы чудесные», хотя и учились в разных школах.

– А чего ты хотел?.. Времени-то сколько? – Я подошел к окну и раздернул шторы: небо на горизонте только начинало светлеть, но на улице уже было довольно много куда-то спешащих людей.

– Понятно. У тебя он тоже вчера не появился?

Уже вчера... Я поежился от внезапного – холодного и липкого – ощущения потери. День, которого я в глубине души ждал весь последний год, как-то незаметно пролетел, не принеся привычного успокоения, а значит, теперь придется еще год из дня в день ждать этой встречи. Я чувствовал себя ребенком, не нашедшим первого января подарка под елкой.

– Нет. Слушай, а как он вообще ушел? – я выливаю остатки теплой вчерашней водки в чайную чашку, выпиваю. – Я

тут подумал, что он никогда об этом не говорил, да и остальные как-то по этому поводу не распространялись.

– Да, по правде говоря, я и сам не знаю. Я даже не уверен, что он вообще ушел. Сам знаешь, он вообще любитель театральных эффектов, даже если их никто кроме него не видит, – он помолчал. – Хотя чего тут театрального? Короче, слушай: давай приезжай ко мне, поговорим, а то что-то тоскливо.

– Базара нет!

Я положил трубку и стал одеваться, после чего умылся, позавтракал и какое-то время чистил зубы, ходя по квартире и слушая раз за разом одну и ту же на днях полюбившуюся песню.

Выйдя на улицу, я для начала заглянул в киоск – купить сигарет и пару бутылок пива на дорогу. Одну я выпил сразу, на лавочке в ближайшем парке, а со второй неторопливо направился в сторону центра – ехать на каком-либо транспорте не хотелось, к тому же на ходу мне всегда думалось лучше, а подумать было о чем. Для себя я уже твердо решил, еще вчера, что выясню, что с ним случилось.

Нашу дружбу всегда, в общем-то, трудно было назвать нормальной: он то пропадал где-то месяцами, то сваливался как снег на голову с кучей новых безумных идей, коньяком и какой-то безудержной веселой злостью. Или же мог посреди ночи позвонить и позвать гулять – в его понимании это означало бродить по каким-то затерянным улицам в таких рай-

онах, куда и днем-то желанья соваться ни у кого, без крайне веских на то причин, не появлялось, причем на погоду ему всегда было плевать. И, надо признать, это действительно того стоило: гулкие шаги в тишине спящей промзоны или молчаливые, темные дома трущоб. Редкие тусклые фонари, пробивающиеся через темно-зеленую пыльную листву старых тополей, узкие арки под железнодорожными путями и берег темной реки с пением нехарактерного для нашей местности соловья. Все это создавало необъяснимо пьянящую, киношную атмосферу какого-то приключения или компьютерной игры.

Мы никогда не знали заранее, куда идем, по крайней мере я, – он, возможно, следовал какому-то своему внутреннему плану. Он всегда шел быстрым шагом, уверенно, будто куда-то опаздывал, через дождь, легко перепрыгивая по камням через почти невидимые в темноте лужи, и негромко говорил, быстро и насмешливо. Как-то раз я спросил его: «Куда ты постоянно торопишься? Если спешить, то можно прийти не туда. И вообще, кто спешит, тот ошибается». На что он немного раздраженно (мои взгляды на жизнь его часто злили) ответил, что от ошибок не застрахован никто и они зависят не от скорости движения, а только лишь от выбранного направления. И если оно выбрано неверно, то лучше упасть и понять, что ошибся, через пять минут, чтобы подкорректировать маршрут. Что это лучше, чем идти по нему неторопливо и осознать, что шел не туда, только в самом конце.

Наши разговоры всегда были предельно откровенны: мы знали друг о друге если не всё, то многое и, в общем-то, были очень близкими друзьями.

Все-таки люди меняются, и не всегда в лучшую сторону. За годы после школы мой друг детства – некогда разгильдяй и авантюрист – располнел и выглядел, как и полагается добродородному отцу семейства, сытым и умиротворенным. Мы сидели в его кабинете, за плотно закрытыми дверьми, чтобы голоса и дым не помешали уже уснувшим жене и детям. Он вальяжно курил, то и дело сонно стряхивая пепел с сигареты, но в глазах читалась какая-то потерянная и тревога.

– Короче, в тот день он заходил ко мне. У него было скверное настроение, но при этом он был трезв и вполне адекватен. Создавалось впечатление, что он что-то узнал или понял. Что-то такое, что ввергло его в состояние какого-то мрачного ажиотажа. (Уж извини, что я так пафосно, по-другому почему-то не получается.) Но говорить об этом он не хотел или не считал нужным, – затяжка, пауза, кольца дыма, лениво растворяющиеся в беге к потолку. – Все эти его эксперименты с испытаниями судьбы, копанием в собственном подсознании, доведении восприятия реальности до абсурда, – с каждым словом табачный дым выходит из его рта, – не могли закончиться нормально. Ты же знаешь, безликие не любят, когда в их дела кто-то суёт нос, а он, похоже, сунул, и

причем весьма, как я понял, глубоко. Любопытный гаденыш был.

– А может, он стал одним из них? – Слова даются мне с трудом: за первой парой пива последовало продолжение, поэтому пришел я уже ближе к ночи и после выпитого соображал довольно туго. – Сам знаешь, его всегда тянуло к подобному радикализму.

– Может быть... Хотя, наверное, все же нет... Понимаешь... Он в тот вечер говорил что-то об ощущении освобождения, о том, что когда нечего терять, когда знаешь, что будет, тогда уже ничего не боишься. «Чувство такое, будто ты можешь все, что обычные правила тебя уже не касаются и любая прихоть, даже самая фантастичная, осуществима», – по-моему, как-то так он сказал. А безликие все же связаны какими-то своими правилами. Во всяком случае, насколько я понимаю их действия и цели. Тем более с его безалаберностью его бы, наверное, не приняли...

– Ну да. Пожалуй. Может, он собирался покончить с собой? Люди, принявшие последнее решение, всегда выглядят чуть взволнованно, на эйфории.

– Вряд ли, на него совершенно не похоже, он, помнится, собирался жить вечно, – он пожал плечами и встал, чтобы закрыть форточку.

– Тоже верно.

Мы помолчали.

– Знаешь, все-таки странно все это, – он поерзал, усажи-

ваясь обратно в кресло. – Из нас он был самый практичный и, пожалуй, даже прагматичный какой-то. Логика и холодный ум.

– Не всегда. В нем как будто два человека жило, и оба были им: один чувствовал, постоянно был на эмоциях, другой отстраненно анализировал все с ним происходящее. При этом они никогда не встречались, хотя друг о друге знали. Не раздвоение личности, а как бы два режима восприятия.

– Причем переключался он с одного режима на другой мгновенно.

– Да уж...

Вскоре наш разговор неизбежно скатился на последние городские новости и сплетни, и когда мы перебрали кости всем нашим друзьям и знакомым, я попрощался и пошел домой.

По большому счету от этого разговора кроме очередного похмелья я ничего не получил. Только какие-то психологические этюды и психоделические ощущения моего загадочного друга, который умудрился исчезнуть столь стремительно и непонятно, что теперь оставалось только ломать голову, пытаясь понять, где он и почему появляется только в день, когда умершим разрешают выходить в мир живых. После недолгих размышлений я решил посетить его родных. Это было самым логичным решением, но почему-то рассматривалось мной только как самый последний вариант.

***

Она сидела, прислонившись головой к стеклу водительской двери, по которому медленно стекала вода – теплый осенний снег, попав на разогретое стекло, мгновенно таял. Дозвониться до родителей у меня не получилось, но удалось дозвониться до его подруги, и теперь я сидел у нее в машине, пытаясь поддержать разговор, но получалось, по правде сказать, не так чтобы очень.

– Врачи сказали, что у него отказало сердце, – она пожала плечами, – при его образе жизни... Он же считал себя чуть ли не бессмертным, что его здоровье не может подломиться, но... – она опять пожала плечами.

– А где он похоронен?

– А нигде. По его желанию он вроде как был кремирован, а прах развеян, хотя... – Резкий сигнал проезжавшей машины заставил ее вздрогнуть.

– «Вроде как» – это как?

– Да никак! – в ее голосе почувствовалось раздражение. – Родные его почти сразу куда-то съехали, а друзья ничего не знали. И я ничего не знала, ни о времени, ни о месте, ни о способе похорон. Ни даже о произошедшем.

– Понятно. А он не мог как-нибудь подкупить врачей или что-нибудь в этом роде? Сама знаешь – это нетрудно. Ну, чтобы они справку выписали, что он...

– Зачем? – она резко, с недоумением обернулась ко мне. – Какой смысл ему так скрываться? Не от меня же? Он вообще

был со странностями: все эти ночные прогулки, внезапные приступы мизантропии... Может быть, он просто свихнулся и сейчас лежит себе в дурке?

– Ну да, наверное, может быть... – Прошло еще пять минут тишины. – А как же тогда заключение врачей о смерти?

– В том-то и дело, что я не знаю. Я уже ничего не знаю и не хочу знать. Я просто устала и хочу забыть обо всем, что было.

– Да-а, – я почесал висок. – А он к тебе не приходил?

– Ну ты зануда! Нет. Но знаешь, иногда поздно вечером или ночью домашний телефон начинает звонить, и звонок не такой, как обычно – равномерными отрезками, а непрерывный, и длится, пока не возьмешь трубку. Я даже провод выдергивала – не помогает.

Я представил холодную, бесконечную, металлическую трель телефонного звонка в пустой полутемной квартире.

– А если трубку поднять?

Она смотрит на меня, как на идиота. В принципе, подозреваю, не зря.

– Если трубку поднять, там, на другом конце, ее тут же кладут, – говорит она мне, как непонятливому ребенку. – Не знаю. Он раньше, когда мы ругались, постоянно так вот звонил по ночам, а потом трубку бросал. А сейчас, когда его нет...

Она замолчала. Подождав с минуту, я закурил.

– Ладно, я, пожалуй, пойду.

В ответ тишина, прерываемая только ударами кончиков ногтей по рулю.

– Слушай! – она смотрела на меня. – Ты бы зашел к родителям, они-то наверняка знают больше.

– Да я уже пытался до них дозвониться – нет никого дома. И ты же сама только что говорила, что они куда-то съехали!

– Ну да, говорила. Но я слышала, что они вроде бы вернулись. И нет, я к ним не заходила и не собираюсь – не хочу ворошить прошлое.

– Ясно. Ну, попытаюсь еще раз с ними связаться.

– Попробуйся, попробуйся... Ладно, давай, пока. Если что узнаешь, позвони, а?

– Хорошо.

Я ободряюще улыбнулся ей на прощание, вышел на улицу и закурил вновь. День явно не удался, болела голова, хотелось спать. Снежинки вокруг меня походили на людей: они так же бессмысленно куда-то мчались, сталкивались друг с другом, расставались. И в конце концов падали на землю и, растаяв, исчезали навсегда. Такие мысли настроения не улучшали, жизнь показалась мне чьей-то откровенно издевательской шуткой. Поглощенный мыслями, я дошел до метро – на этой станции я садился уже лет десять, и за это время она совершенно не изменилась. Наверху менялось всё: пейзажи, цены, политики, менялись мои подруги и вообще моя жизнь. И только мраморный пол, деревянные скамьи, особенный запах подземки остались прежними. Я втиснулся в

вагон подошедшей электрички и все десять минут поездки усердно изучал рекламу и попутчиков...

– Здравствуй, заходи, – дома у него ничего не изменилось. – Что-то после того, как он уехал, ты и не появлялся.

– Уехал? – я был озадачен, и причем не на шутку. – Подождите! А куда он уехал?

– Да, как я поняла, конкретно никуда. Так, кочует из города в город, иногда позванивает, но вроде бы все у него в порядке. А ты чего-то хотел от него?

– Да нет... То есть да, – я смешался – ситуация была идиотская. – Ладно, пора мне... по-ра... Извините, что побеспокоил. До свидания!

– До свидания! – пока я выходил из подъезда, его мама продолжала стоять возле открытой двери.

В голове у меня был полный бардак, и поэтому я не сразу понял, что письмо, которое она мне вручила при прощании, от него, и причем предназначалось лично мне. Я вышел из подъезда, сел на лавочку, закурил и медленно надорвал конверт. Почерк был его, сомнений возникнуть не могло: корявые буквы, множество различных стрелочек между словами и фразами (многие из которых были зачеркнуты), означающими, что и в какой последовательности читать, и, в общем, напоминало черновик, которых он не признавал, стараясь писать все с первого раза.

Привет, приятель!

Давно собирался написать, но ты же знаешь, заставить себя взять ручку и сесть за письмо для меня почти нереально. Unreal! (Я бы даже сказал – фантастично!) К тому же, даже написав, надо ведь письмо еще и отправить. Да и, по правде говоря, я не знал, куда писать, так как письмо могло дойти раньше, чем тебе можно будет его прочитать. Или позже, чем нужно. На самом деле очень непросто объяснить то, что произошло, да я, по правде говоря, уже и сам не знаю, как это вообще можно объяснить.

Помнишь, я как-то говорил, что, возможно, мы одновременно живем в двух измерениях и наши сны не выплески подсознания, а какие-то обрывки из нашей параллельной жизни, что когда мы спим – мы бодрствуем в каком-то ином мире. (Не помню, кто это придумал, но теория мне показалась занятной.) Черт, конечно, знает, как там всё на самом деле, но что-то, видимо, есть, во всяком случае, происходящее со мной много логического объяснения, как мне кажется, не имеет.

Ну да ладно, все равно в письме всего не передать. Просто это вообще труднообъяснимо, и дело даже не в нехватке слов, просто словами трудно передать ощущения, эмоции, порой настолько противоречивые, тонкие на уровне четвертей или даже восьмых или шестнадцатых долей тонов и хитросплетенные, что даже сам не можешь понять, в чем тут дело. А дело в том, что, похоже, граница между моими снами и реальностью становится все более и более раз-

мыйтой. И как сон можно контролировать и изменять, как хочешь по своей воле (стоит только понять, что это сон), так у меня порой меняется то, что обычно называют термином РЕАЛЬНОСТЬ. Забавно, не правда ли? И поверь, я не тронулся умом, во всяком случае, не более чем обычно, – просто что-то меняется. Пока что это бывает как приступ: накатит, поплющит и отпустит, но с каждым разом приступы продолжительней и продолжительней, и знаешь, я уже начинаю привыкать к этим новым возможностям, – это, черт подери, удобно, хотя и непонятно, к чему приведет. ХЕ-ХЕ-ХЕ. Поживем – увидим, чувак! Оревуар!

Р. S. Передавай всем привет. Вот разберусь со всеми заморочками, приеду, и обо всем поговорим, «естественно», за бутылочкой «чего-нибудь». Как думаешь? А, да кто тебя спрашивает?

Увидимся.

Число, подпись.

Я закурил еще одну сигарету и крепко задумался. Создавалось впечатление, что он действительно рехнулся или же писал, будучи серьезно под препаратами. Я посмотрел на дату – три года назад. Хм, где-то тогда он и пропал. Все это было очень интересно, но мои мозги слишком серьезно пострадали от потоков обрушившейся в последнее время на меня противоречивой информации, и поэтому я, зайдя в магазин, взял побольше пива, еще пару пачек сигарет и ушел от гнусной действительности года 20** от Рождества Христова в ал-

когольный туман.

***

Наутро я, как всегда в последнее время, с трудом собрался с силами и поехал на работу. Обычно мой напарник приходил раньше меня, но в этот раз он задерживался, и я трепался со старой сменой охраны возле входа, попивая чай. Когда он пришел, я уже почти проснулся, во всяком случае, желание немедленно упасть на стулья и поспать часок-другой уже почти прошло. Мы спустились во двор, закурили, и я спросил у коллеги, не слышал ли он чего-нибудь про выверты, подобные описанным в письме моим товарищем, в нашей психике. На что он ответил, что он не психиатр, и, по его мнению, это просто бред, и что курить надо бы поменьше.

Рабочий день прошел достаточно обычно для субботы: до обеда людей было мало, лишь изредка заходили случайные посетители скоротать полчаса за игрой, и только ближе к вечеру зал наполнился разгоряченными от отдыха людьми. Мне, впрочем, особо до них дела не было – я непрерывно думал только о событиях предыдущего дня. Конечно, глупо было рассчитывать узнать правду за столь короткое время, но запутаться еще больше я все же не планировал.

Я выдал очередному клиенту его небольшой выигрыш из сейфа и вернулся за стойку.

– Слушай, я тут твоего приятеля видел, заходил который раньше сюда. Ну, вы вроде в университете вместе учились. –

Напарник мучился от скуки, и ему хотелось поговорить.

– Ну и?

– Да нет, ничего особенного, столкнулись вчера ночью в магазине, он там с какой-то компанией что-то покупал.

– Особо-то, знаешь, я не удивлен, хотя сам его видел в последний раз где-то год назад... Там, в чайнике, вода есть? – Что-то наподобие ревности заскребло где-то внутри.

Вода была, и, слегка подогрев ее, я заварил себе чаю.

– Знаешь, видок у него был!!! Как у Носферату какого-нибудь – бледный, под глазами синева!

– Он всегда так выглядит, – хмуро пробормотал я.

– Может быть. Но во всяком случае, веселье у них в компании через край било...

Он отошел к подозвавшему его игроку, и было видно, как он что-то пытается ему объяснить про правила игры.

– А, слушай анекдот! – он быстро вернулся. – Ночь, мужик сидит дома один. Вдруг звонок. Мужик подходит к двери, спрашивает: «Кто там?» Ему в ответ: «Смерть». – «И что?» – «Да, собственно, и всё».

– Глупо как-то, – зачем-то сказал я, хотя шутка мне понравилась. Наверное, мне просто хотелось, чтобы он оставил меня в покое.

– Плоский юмор зачастую самый тонкий! – с деланой многозначительностью он поднял вверх указательный палец.

Промолчав, я оставил его в этой позе и подошел к окну. Редкие белые облака быстро пробежали перед ярко горящи-

ми на черном фоне звездами. От вида этих огней, светившихся где-то беспредельно далеко, становилось немного не по себе. Господи, подумалось вдруг, когда я в последний раз просто смотрел на звезды? Не мимолетно, как на часть пейзажа, а действительно смотрел? Смотрел, воспринимая их именно как лучи какой-то далекой, возможно уже не существующей, жизни, как на что-то практически вечное? Чем я занимаюсь? Эта игра, деньги, люди, замкнутый цикл, белка в колесе, из которого страшно вырваться – а вдруг кто не так подумает? Он-то, помнится, всегда мало волновался о том, что о нем думают люди, для него они все были как будто временными попутчиками, с которыми можно провести время и пойти дальше по своим делам. И, расставаясь, он как будто стирал их из памяти, хотя при этом помнил каждого даже спустя много лет.

– Знаешь, – сказал он мне как-то раз, – я вдруг поймал себя на том, что когда начинаю привязываться к человеку – действительно привязываться, по-настоящему, особенно к девушкам, – я вдруг как-то подсознательно начинаю вести себя по-скотски, даже если знаю, что им это больно. Даже если знаю, что больно в конечном итоге будет и мне. Мне почему-то попросту гораздо проще уходить, когда меня ненавидят, когда один мой вид вызывает у людей раздражение, а мой уход, как мне кажется, вызовет только радость и облегчение. Может быть, потому, что тогда появляется оправдание моему уходу. Идиотское, для себя, но оправдание. В

конце концов, это проще – уйти. Проще, чем продолжать бороться, проще, чем самому стать лучше, – стать хуже, вернее сделать вид, что я хуже, чем есть. Наверное, из-за этого я столько уже потерял. – Он откинулся на спинку скамейки и вытянул ноги. В полуприкрытых веками глазах отражались огни фонарей. – Впрочем, не «наверное». Я точно знаю, *что* я потерял, кого, сколько раз и из-за чего. Я знаю, как я мог этого не допустить, и знаю, что знал заранее, как этого избежать. Но все равно делал. Делал, мучился и одновременно радовался, радовался какой-то извращенной радостью от ощущения этой новой свободы.

– Глупо.

– Глупо, – согласился он. Запрокинув голову, он смотрел не то на небо, не то на огонек зажатой в губах сигареты.

– А если ты это знаешь и понимаешь, то зачем так поступаешь, зачем бежишь?

– Некорректный вопрос, – он криво усмехнулся, продолжая смотреть перед собой вверх. – Правильный вопрос: бегу ли я *от* чего-то или *к* чему-то? И вот на него у меня нет ответа. Вернее, и то, и то в какой-то степени верно.

– Никогда не хотел вернуться?

– Постоянно хочу. Но прошло уже слишком много времени, чтобы это было чем-то большим, чем просто «Привет! – Привет! Как дела? – Нормально, а у тебя?». И неловкое молчание, потому что сказать больше нечего.

– А ты пробовал?

– Нет.

– Зря.

– Возможно... Но я обязательно вернусь. Неизбежный и страшный, как граф Монте-Кристо!

– Мстительный придурок! Сам же виноват!

Внезапно громкая музыка отвлекла меня от воспоминаний. «Что с нами будет, когда лето пройдет?» – спрашивал Джим. Напарник уже запер дверь и начал готовиться к закрытию. Я подошел к нему и помог поднять стулья на столы. Мы посмеялись еще минут пять, обсуждая прошедший день, вчерашний футбольный матч и планы на выходные, после чего разошлись.

Когда на следующий вечер я вернулся домой, то не был удивлен, застав его сидящим на ступеньках в моем подъезде и задумчиво рассматривающего струйку дыма от сигареты.

– Пошли, что ли, пива попьем? Сколько не виделись – есть о чем поговорить.

Я молчал, прислонившись к стене плечом.

Он негромко рассмеялся:

– Пошли, пошли! Что еще делать? Да и погодка сегодня шепчет.

Мы спустились в ларек. И уже в парке, открывая вторую бутылку, ты спросил: «Слушай, а зачем тебе это надо? Если ты знаешь, что каждое слово может стать реальностью. Если знаешь, что сделаешь только хуже, что только еще больше

можешь запутаться. Зачем? Зачем писать историю абсурда, когда не знаешь, чем она кончится, и кончится она для тебя или же для всех?»

Ты сказал: «Холодает. Пойдем в какую-нибудь кафешку. Водочки попьем, а?» И, помнится, я ответил: «Пошли. Все равно ведь не отвяжешься». И снова услышал твой негромкий смех.

И вскоре город растворился в сумерках и тумане наших разговоров, как растворяются сны от звонков будильников и яркого солнца, как будто ничего не было. И остался только какой-то болезненно-сладкий осадок, будто приснилось что-то светлое и хорошее, но что это было, ты не помнишь, зато точно знаешь, что в действительности этого не будет никогда...

ГОРОД С НАРИСОВАННЫМИ ДОМАМИ

– Нет, здесь нет никакого Алексея. И никогда не было – вы, наверное, ошиблись адресом. – Усталая, по-домашнему одетая женщина лет сорока выглядела слегка виноватой.

– Видимо... извините.

Я развернулся и, не дожидаясь лифта, стал спускаться по лестнице. По правде сказать, я был озадачен, потому что точно знал: адресом я не ошибся. Эту дверь я хорошо запомнил, как и уродца, нарисованного угольком сигареты на известке напротив лифта, – я был здесь только сегодня утром, потратив на поиски дома около часа. И немного, но успел пообщаться со своим старым приятелем.

У нас в городе, чтобы найти дом, знать адрес мало – надо еще знать, где он находится, потому что привязка к улице и порядку номеров зачастую весьма условна. А в этом квартале даже местные жители ориентировались с трудом. Особенно когда наступали сумерки, и с адресами начинало твориться что-то невероятное.

Выйдя из подъезда, я закурил и пошёл вдоль дома в поисках вывески с названием улицы и номером дома. «Ул. Титановая, дом 17» – высветились буквы буквально за углом. «Замечательно, – подумал я, – с утра это была улица Черно-

морская, как известно, сама себе параллельная и перпендикулярная».

Это началось лет двадцать с чем-то назад, когда я еще ходил в детский сад. Именно тогда начали проявлять себя безликие, и начали происходить непонятные ни для кого вещи. И в один из октябрьских дней город по чьему-то распоряжению обнесли стеной, и все вскоре заметили, что, хотя за городом наступает зима, в городе по-прежнему льют дожди. Хотя та зима и была теплее обычной, она в тот год все же еще не сильно отличалась от той, что была за стеной. Но со временем все менялось, и менялось не в лучшую сторону: в городе словно застыла осень. Город медленно приходил в упадок. Жить сюда переезжали немногие, почти все, у кого были дети, старались уехать отсюда, старики постепенно умирали, и город помаленьку пустел, особенно окраины, откуда люди, напуганные близким соседством с лесом и безликими, старались перебраться поближе к центру. Кто такие безликие – не знал никто. Это была какая-то неизвестная, пугающая сила, какое-то странное сочетание тайного ордена, наподобие масонов, и чего-то нечеловеческого, вернее – надчеловеческого. Сила, одновременно пугающая и манящая, по крайней мере, меня.

Тем временем опустевшие дома постепенно разрушались, и муниципалитет, чтобы не тратить деньги на ненужный ремонт, помаленьку обтягивал их стены полотнищами, на которых были нарисованы стены, окна, карнизы. И в то же вре-

мя в этих пустых, тревожных кварталах каждый вечер загорались – непонятно для кого – фонари, и их яркий, жуткий в этой безлюдности свет, падающий на почти забывшие человеческие шаги тротуары, лишь подчеркивал эту картину заброшенности. Но несмотря ни на что, те, кто остался в городе, продолжали жить своей обычной жизнью.

Будь я героем какого-нибудь голливудского триллера, я бы, наверное, зашел в местный бар, заказал бы кофе и принялся бы расспрашивать бармена на тему: «Что за ерунда здесь творится, и где мне теперь искать Леху?!» Что, скорее всего, привело бы к потасовке с какими-нибудь завсегдаятами, которым бы не понравилось мое любопытство. Чему я, если честно, был бы рад. Но я был не в Голливуде и поэтому просто купил в ларьке по пути пива и неторопливо пошел в сторону ближайшей станции метро. Как быть дальше, я не знал, единственная ниточка – адрес – чудесным образом прекратила свое существование, и я решил обсудить этот вопрос с одним из наших общих знакомых. Доехав до нужной остановки, я поднялся на поверхность, позвонил Сереге и, убедившись, что он на месте, направил свои пыльные ботинки в сторону его дома.

– Ты думаешь, он может это объяснить? – Он выключил чайник и, разлив кипяток по чашкам, сел напротив.

– Ну, объяснить, пожалуй, вряд ли, но что-то новое для нас, я думаю, он мог бы рассказать. – В ожидании, пока чай заварится и немного остынет, я закурил и, взглянув на руки,

подумал, что неплохо бы подстричь ногти. – Ты за городом давно был?

– На той неделе.

– И как там?

– Да все так же, холодно и уныло, – он задумался. – А тебе зачем?

– Да съездить надо бы. Посмотреть, проветриться.

– Ну съезди, посмотри, проветришься, – в его голосе звучала легкая ирония.

Я не обиделся, я знал, что он догадывается, если не знает точно, для встречи с кем я хочу выйти.

– Как думаешь, безликие – это кто? Или что?

– Или зачем? – передразнил он меня. – Я не знаю, и никто не знает. Они просто есть. Как по мне, так они просто наблюдатели, возможно, с каким-то правом вмешиваться в определенных случаях. Что-то наподобие лаборантов, контролирующих ход эксперимента. Хотя для меня это довольно унижительно – думать, что я для кого-то не более чем лабораторная мышь.

– Ну если унижительно, так не думай. Зачем унижаться?

– Не валяй дурака, ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Лучше расскажи, что узнал от Леши, – ты же успел с ним поговорить?

– Да по большому-то счету ничего – он куда-то уже ушел, поэтому успел только договориться о том, что зайду сегодня после обеда, а дальше ты знаешь.

Он выпятил нижнюю губу и, уставившись куда-то вверх и вбок, задумался. В наступившей тишине часы легкими щелчками секундной стрелки шаг за шагом приближались к половине первого ночи.

– Ладно, завтра рано вставать, поеду, – я встал и потянулся.

– Может, тебе такси вызвать?

– Да нет, спасибо. Так доберусь.

На следующее утро я проснулся с отвратительным настроением – всю ночь снилась какая-то тяжелая ахиня, которую я никак не мог взять под контроль. В лучшем случае удавалось лишь снижать общий уровень негатива, смягчая ситуацию до приемлемой, или переключаться на другие, не менее тяжелые, как оказывалось, сюжеты. Взяв себя в руки, я позавтракал и поехал на работу и какое-то время искренне пытался заставить себя хотя бы изобразить бурную деятельность, но безуспешно: делать ничего не хотелось, голова была забита совершенно далекими от работы мыслями. Вскоре всё это мне надоело и, отпросившись у начальства пораньше, я все же решил съездить за город.

Выйдя из офиса, я первым делом зашел в ближайший киоск и, купив маленькую бутылку минералки, в два захода ее осушил. Почувствовав себя немного лучше, я поймал машину и, назвав адрес, задумался.

– Где остановиться? – отвлек меня от мыслей водитель.

– Да не принципиально – останови, где почище.

Я расплатился и, выйдя из машины, задумчиво огляделся по сторонам. Что-то было не так, что-то в окружающем изменилась, но вот что? Через пару минут, оставив бесплодные попытки разобраться, в чем тут дело, я уже бодро двигался по знакомой дорожке. «Ничего не поделать, – думал я, утешая себя, – надо значит надо». Подойдя к КПП, я остановился и, протянув документы в окошко, закурил и огляделся: за забором шел снег, вполне характерный для середины апреля. Получив пропуск и поблагодарив дежурного, я шагнул за ворота и неторопливо пошел по тропинке, отражаясь в лужах, полных прошлогодних листьев, и оставляя за собой на свежесвыпавшем снегу темную цепочку следов. Вокруг было непривычно тихо, по крайней мере, непривычно для жителя большого города.

Полчаса побродив среди деревьев, я наконец добрался до нужного места – небольшого одноэтажного дома, наполовину уже вросшего в землю. Внутри типичный казенный запах напоминал деревенскую почту предпоследнего десятилетия прошлого века, где я не раз бывал в детстве. Такие же слабые пыльные лампочки, торчащие из стен, тускло освещающие окрашенные темно-зеленой масляной краской стены, которые уже изрядно потемнели из-за отложившейся на них пыли. Закопченный потолок был весь в ржавых разводах, трещинах; местами отвалившаяся штукатурка обнажала деревянные перекрытия. Я подошел к окну. Стекла на правой внутренней створке не было, стекло же внешней рамы

было покрыто снизу толстым слоем льда от стекавшей конденсировавшейся влаги. Промежуток между рамами был забит бычками, смятыми сигаретными пачками и обертками от шоколадных батончиков; была даже распечатанная упаковка от презерватива.

Несмотря на то, что здание было одноэтажным, создавалось ощущение, что ты находишься в подъезде какого-то старого, из тех, что строили еще без лифтов, дома: время от времени где-то – то как будто наверху, то внизу – слышалось, как открывались и закрывались замки дверей, чьи-то негромкие голоса здоровались и прощались, и кто-то то поднимался, то спускался по лестницам. Вдруг все стихло.

– Зачем пришел?

– Ты меня звала. – Я, не оборачиваясь, закурил.

– Да, звала...

Мы замолчали. Последний раз мы виделись лет десять назад, разговаривать особенно было не о чем, и я продолжал упорно пялиться в грязное стекло.

– Ты его ищешь?

– Да. Ты знаешь, где он?

– Знаю. Он ушел...

– Понятно... – протянул я.

Действительно, все было понятнее некуда. Значит, его затянуло. И он стал одним из них. Видимо, я совсем чуть-чуть не успел, и этим-то и объяснялась вчерашняя дурацкая ситуация с адресом. Рано или поздно это могло случиться с

каждым из нас, и мы все прекрасно знали это чувство, которое могло застигнуть в любой момент. Странные и страшные ощущения. Когда ты цепенеешь, пытаешься понять, что происходит вокруг и внутри тебя. Все окружающее кажется непонятным, чужим, и в то же время ты все очень ясно чувствуешь, даже слишком ясно. Ты почти видишь, как бежит кровь по твоим венам, как по трахее табачный дым затягивается в легкие, растекается среди альвеол и выходит обратно. Но видишь ты это как бы со стороны, холодно и беспристрастно, и не можешь понять: зачем это всё, зачем этот город, эти люди, зачем здесь ты, и кто ты вообще? И чем дольше ты в таком состоянии находишься, тем яснее понимаешь, что вот-вот еще немного, и назад в этот мир пути не будет, и ты уйдешь куда-то по ту сторону, в черноту, и неизвестно, что ждет тебя там. А мысли с трудом еще продолжают ворочаться в черепной коробке, со скрежетом цепляясь друг за друга и норовя ускользнуть. Выход из этого состояния есть только один: надо, напрягая сознание, постараться взглядом зацепиться за какой-нибудь предмет и мысленно принять его как своего рода якорь, как часть реального, твоего мира, за который нужно удержаться. И когда станет немного легче, собрать оставшиеся клочки воли и постепенно взять под контроль тело – пошевелить для начала хотя бы одной рукой, затем другой и, наконец, сделать первый робкий шаг на нетвердых ногах. И тогда ты спасен, правда лишь на время, потому что, если один раз тебя накроет, то можешь

не сомневаться: приступы будут повторяться, и с каждым разом все интенсивнее и продолжительнее, до тех пор, пока тебя не затаянет. Леху затаянуло, и я прекрасно понимал, что могу стать следующим, и это знание почему-то душу совсем не грело, на этой стороне мне было пока что уютнее.

– Понимаешь, дело не в тебе и не в нем, – после паузы вдруг продолжила она, и я почувствовал в ее голосе легкую улыбку. – Есть вещи, которые неизбежны. О них можно жалеть, их можно не замечать, но они все равно будут происходить. И ты тоже, рано или поздно, придешь к нам. Не все приходят, единицы, но ты придешь – у тебя характер такой.

– Я знаю, – неожиданно спокойно ответил я. Она положила мне руку на плечо и уткнулась на секунду головой в плечо – сзади и чуть справа – так, что я почувствовал легкий запах ее духов.

– Я буду ждать.

Внезапно наверху громко хлопнула дверь, и чьи-то быстрые шаги побежали вниз. Я обернулся – рядом уже никого не было. Немного постояв, я улыбнулся и вышел наружу.

***

Через час, уже возвращаясь по сумеречным улицам домой, я размышлял над полученной информацией. Ничего особенно хорошего в том, что я узнал, не было, впрочем, нельзя было сказать, что я и раньше не догадывался о произошедшем.

Мне нужно было отвлечься, чтобы вернуться к этой те-

ме позднее, уже без ненужных эмоций. И поэтому, когда на остановке ко мне подсел какой-то подвыпивший мужичок и, пожаловавшись на жену, выгнавшую его из дома, назойливо стал предлагать с ним выпить, я отказываться не стал. Тем более что мне всегда были интересны подобные встречи – случайные люмпены и колдыри всегда бодрили меня своей простотой и какой-то человеческой искренностью, тем, чего не хватало в обычной жизни. Они никогда не спрашивали, как у меня дела, как это делали мои многочисленные знакомые, они не делали вид, что им это интересно, но всегда были готовы выслушать мою или рассказать свою историю. К тому же с этими людьми в любой момент можно было попрощаться и уйти, не договариваясь о следующей встрече и тут же забывая имена. Уверен, что и они ко мне относились точно так же. Одноразовые люди, одноразовые жилетки и платки, в которые можно поплакаться, а затем выкинуть в ближайшую урну и забыть.

Так я поступил и на тот раз. Минут пятнадцать просидев со стаканчиком сомнительного пойла в руке – выпить это я так и не решился – и слушая вполуха сбивчивый, местами повторяющийся, как старая заезженная пластинка, рассказ, я вдруг почувствовал себя лучше. Ощущение смятения прошло, и можно было начинать обдумывать сложившуюся ситуацию спокойно.

Ничего не поделать – жизнь продолжалась, и надо было двигаться дальше. Вот несколько правил перехода улицы в

«неположенном месте», которые я стараюсь неукоснительно соблюдать: во-первых, надо идти, а не бежать; во-вторых, надо смотреть на машины с легким раздражением, как будто это они тебе мешают, а не ты им (если все делаешь правильно, то и сам это прочувствуешь). На разделительной полосе, пережидая поток, можно закурить и нетерпеливо посмотреть на часы. Двигаться, пересекая поток, нужно легко и непринужденно, с опережением. Размышляя об этом, я перебрался через дорогу, зашел в бар и заказал пиво, потом еще пиво, и еще, и еще... Через пару часов я вышел на улицу и сел в первый попавшийся трамвай.

«Маневровая», следующая остановка «Декабристов» – услышав эти слова, я проснулся и вышел из вагона. Был уже поздний вечер и, судя по всему, по этому маршруту я успел проехать уже не раз и даже не два. Я огляделся и закурил. Через дорогу жил мой университетский друг, которого я не видел, наверное, больше года, но если бы он сейчас мне повстречался и спросил, что я здесь делаю, я не нашелся бы, что ответить. Поэтому, докурив, я выбросил окурок в лужу и на следующем трамвае поехал домой.

Я много чего хотел сделать сегодня, но, как и всегда, сделал от силы половину. Городские огни проплывали за стеклом и оставались где-то позади, как очередной бездарно потерянный день, как воспоминания. Вообще, мне было о чем подумать, впереди была апрельская ночь, а позади десять лет жизни, которую принято называть взрослой, так что можно

было уже подводить какие-то итоги.

А итоги были довольно безрадостные. Я был свободен. Но, похоже, лишь потому, что никому до меня не было дела. Похоже, свобода и одиночество – две стороны одной медали. Преуспеть я тоже толком ни в чем не смог, и все, что мне осталось, – это лень и депрессия. И еще немного пива по дороге домой.

Вернувшись в свою квартиру, я разогрел в микроволновке ужин и, поев, завалился на диван перед телевизором. Поцелкав по каналам, я остановился на каком-то малобюджетном фантастическом фильме-катастрофе с невнятным, но пафосным сюжетом, неизвестными актерами и отвратительно дешевыми спецэффектами. Внимательно досмотрев его до конца, я выключил свет и уснул.

На следующее утро я встал в одиннадцатом часу – благо была суббота. Закинув в стиральную машину накопившуюся за неделю грязную одежду, я занялся приготовлением пищи. Наготовив на ближайшие несколько дней, я поел и развесил сушиться постиравшуюся одежду. Закончив с хозяйственными хлопотами, я завалился обратно на диван и оставшуюся половину дня убил на прохождение какой-то дурацкой игрушки на сотовом телефоне.

Воскресное утро выдалось сырым. Ливший с глубокой но-

чи дождь окрасил город в серые тона, и даже новостройки казались старыми и какими-то облезлыми и потертыми. Словно смутные воспоминания о когда-то ушедшей любви, когда время и алкоголь уже почти убили эмоции, и даже мысль о том, что девушка, которая, казалось бы, только что была твоей женой, занимается сексом с другим, вызывает лишь слабую, блеклую тень того неконтролируемого бешенства, которое вызывала раньше. Обшарив всю квартиру и убедившись, что курить дома нечего, я выкинул найденную на кухне пустую пачку в мусорное ведро, накинул куртку и пошел в ближайший магазин за сигаретами.

Когда я вернулся, она уже стояла возле моей двери. Платье на ней абсолютно промокло, в одной руке она держала босоножки, а в другой бутылку вина. Молча открыв дверь, я пропустил ее вперед и зашел сам.

– Уезжаю сегодня, – она вздохнула, – я от мужа ушла.

Мы прошли в комнату.

Все так же молча, я открыл бутылку и разлил вино.

– Удачи тебе. – Поверх стакана я смотрю, как она пьет маленькими глотками.

– Спасибо.

Мы оба знали, что будет дальше.

Иногда половой акт может превратиться в месть, месть за то, что когда-то было и что могло бы быть. Бескровный, сладко-болезненный выплеск агрессии, обряд прощания с прошлым, прощания навсегда. Вскоре она ушла – «Поезд не бу-

дет ждать», и я остался сам с собой наедине.

Я подошел к окну и закурил: вот она поймала такси и, как будто что-то почувствовав, обернулась и, с улыбкой помахав мне рукой, села в машину. Я улыбнулся ей в ответ, улыбнулся каким-то жалким подобием улыбки. В этом городе мне вдруг стало тоскливо, больше меня здесь ничего не держало. До глубокого вечера я стоял у окна, курил сигарету за сигаретой и, изредка прикладываясь к бутылке, смотрел, как дождь на пару с приближающимися сумерками окончательно смывали краски с домов и улиц. К ночи решение было принято. Я подошел к телефону и набрал номер.

– Ты едешь?

– Да.

– Позвони Димону – предупреди, а я Серегу наберу.

– Хорошо. Когда и где встретимся?

– Не знаю, мне без разницы. Давай у меня, часа, скажем, в четыре.

– Ну давай! Тогда до встречи.

Позвонив Сереге, я положил трубку и глотнул из горла. Я знал, что сейчас в этом городе еще трое не спят и, стоя у окна, смотрят на дождь, выкуривая сигарету за сигаретой.

Вот так и вышло. Уже чужой спящий город, уже не ночь, но еще не утро, по-прежнему темно. Над самым горизонтом стоит огромная, неправильной формы оранжевая луна. Невыспавшиеся и непроспавшиеся, мы уезжали. На выезде

из города слева из темноты один за другим выехали два больших самосвала и, оставляя за собой клубы пыли, бесшумно исчезли через дорогу в черном провале огромного карьера. Что-то зловещее было во всем этом, словно какая-то огромная машина продолжала работать несмотря ни на что, методично и зловеще, с какой-то ей одной понятной целью. Система, созданная неизвестно кем и неизвестно для чего и не сулящая ничего хорошего. Игравшая в машине музыка двадцатилетней давности полностью дезориентировала во времени, а езда по встречной полосе на машине с правым рулем – в пространстве. Впереди была ночь и черные низкие тучи, а может быть, громоздящиеся на горизонте огромные насыпи отсева, и лишь в зеркалах заднего вида отражался начинающийся рассвет, который не становился ярче. Создавалось ощущение, будто мы бежим от него, сбегая от нового дня куда-то в неизвестность. Возможно, что чувствовал это лишь я один, уж больно знакомым было для последних лет ощущение потерянности и бегства. Я зевнул и, устроившись поудобнее, стал смотреть на дорогу и проносящиеся в свете фар снежинки, сквозь которые, разрезая окружающую тишину, неслась наша машина.

АМНЕЗИЯ

– Ибо так говорил Заратустра, – высокопарно заявляет Серега и закидывает пустую бутылку подальше в кусты.

– Говорил, говорил, да не заговаривался. К чему ты сейчас это сказал? – сварливо отвечаю я, откупоривая вторую. – И вообще, чего это тебе заблажило вытащить меня из кровати в четыре часа утра?

– Они вернулись.

– Давно?

– Вчера вечером.

– Скверно... И что делать будем?

– Жить, как жили.

– Ты уверен?

– Так же, как в том, что я завтра полечу на луну.

– То есть уверенности нет?

– То есть никакой.

– Обнадеживает.

Я разливаю коньяк по стаканчикам, и, отсалютовав друг другу, мы выпиваем.

Этого следовало ожидать – надолго они никогда не уходили, и рассчитывать, что они не вернуться в этот раз, было как минимум наивно. Вообще, нельзя было сказать, что присутствие безликих как-то сказывалось на нашей повседневной жизни, просто город охватывала какая-то нервозность, из-

за которой жизнь словно цепенела, и от этого было как-то некомфортно.

– Говорят, их перепрофилируют, и они вернулись, чтобы закрыть эксперимент.

Я посмотрел на внезапно ставшего серьезным Серегу.

– Как думаешь, это хорошо или плохо?

– Не знаю, – он пожевал губами, – но, похоже, игра близится к концу, и выигрышных комбинаций осталось немного.

– Надеешься что-нибудь урвать напоследок?

– Надеюсь не потерять оставшееся.

– Ты для этого вернулся?

Где-то прозвенел первый трамвай – значит, новый день уже начался. Сам я приехал обратно в Город где-то с месяца назад и помаленьку уже вновь свыкался с его спокойной, размеренной жизнью. Хотя, как и все здешние жители, иллюзий по поводу того, что такая ситуация затянется хоть сколько-то надолго, не строил.

Сейчас, уже несколько часов спустя, я, вспоминая этот разговор, уже полчаса ходил по какому-то кварталу, пытаюсь найти выход на другую сторону железнодорожных путей, пересекавших в этом месте Город, чтобы попасть в расположенный там старый госпиталь. Конечно, самое простое было вернуться назад и воспользоваться другой дорогой, но упрямство и самонадеянность мне этого сделать не позволяли. Поэтому эти несколько улиц я уже почти выучил

наизусть. Странно, я был уверен, что квартал жилой, хотя и располагался на окраине, но пустые улицы без прохожих и машин, как и тишина, смущали. Смущали дворы, где, несмотря на солнечный летний день, не бегали детишки, а у подъездов не сидели бабки. Еще смущало то, что все газоны, лужайки заросли высокой, по пояс, травой, по которой явно никто не ходил. Станными были и закупоренные, несмотря на жару, пыльные окна, и полное отсутствие звуков. Только вдалеке, откуда я пришел, виднелись редкие фигуры прохожих. Завернув за угол очередного дома, я наткнулся на сожженный и уже проржавевший остов автомобиля и, злобно посмотрев на исписанный граффити и матом забор, за которым виднелся лес, развернулся и пошел обратно – к цивилизации.

Спустя какое-то время я все-таки добрался до больницы. Посещения в это время были запрещены, но меня это не смущало. Я спокойно прошел через приемный покой и поднялся по лестнице на третий этаж. Его палата находилась в самом конце длинного узкого коридора, с одной стороны которого располагались редкие окна, а с другой – двери палат. Так что пока я до нее дошел, мне пришлось разминуться с несколькими из пациентов. Голова одного из них была наголо выбрита сзади – от макушки до шеи, и сквозь обильную зеленку виднелись толстые, грубые, видимо, недавно наложенные швы. Оторопело заглядевшись на него, я чуть не налетел на

другого абсолютно лысого человека, стоявшего с отупелым видом перед окном. Его череп, благодаря широкой и глубокой впадине на том месте, где должно бы быть правое полушарие, напоминал наполовину сдутый детский резиновый мяч. Я поежился и постарался выкинуть из головы мысли о том, что с ними могло произойти и что они сейчас чувствуют. Заглянув в нужную палату, я застал своего приятеля валяющимся на кровати.

– Здорово, симулянт!

– Сам ты симулянт, – он выглядел заспанным, – пойдем, покурим, пообщаемся. Здесь как-то... – он покосился на соседей.

– Пошли, – я тоже никогда не любил разговаривать при посторонних.

Он сел на кровати и стал ногами нашаривать тапочки. Мы спустились в курилку.

– Ну что, как самочувствие?

Хотя я и пришел по другому поводу, не задать этот вопрос я не мог – просто из вежливости, для соблюдения ритуала, чтобы ни у кого не было сомнений, что я просто забежал навестить захворавшего приятеля.

– Нормально. Ну и местечко здесь. Какие-то дела непонятные. Создается такое впечатление, что в этой больнице проводятся какие-то эксперименты на покойниках. Ну, на тех, которые никому не нужны: бомжи, старики какие-нибудь одинокие, психи. Их где-то оживляют, затем привозят

сюда и для начала кладут на кровать в коридоре возле окон. Ну ты видел, да?

– Кровать? Да, видел.

– Они еще не пришли в себя, – не дослушал он, – и поэтому не помнят, как их зовут, не узнают ничего вокруг, это как будто пустые оболочки. Через некоторое время их переводят в палаты, и они постепенно начинают перемещаться по коридорам. Как зомби из фильмов ужасов. Жуть!

– Да, я уже видел. – Мой друг всегда был излишне впечатлителен и, видимо, последние события повлияли на его психику. – Просто люди после серьезных травм. Сам посуди: на хрена оживших мертвецов рядом с живыми людьми реанимировать, для их последующей социализации что ли? Ты сам-то не слишком сильно головой ударился? Может, тоже теперь из зомби?

– А почему нет? – это прозвучало как-то слишком, неприятно серьезно. – Я, например, совершенно не помню, как сюда попал. То есть просто позавчера ночью очнулся, лежа здесь в палате. Но если честно, то такие здесь кадры встречаются! Вот на днях привезли какую-то бабку, она была закутана в серые толстые шали. Абсолютно беспомощная. Мне она новорожденного огромного котенка напомнила. Так вот! Ее пытаются переложить с каталки на кровать, а она лишь отчаянно пищит и цепляется за каталку всем, чем может. И в этот момент она еще сильнее похожа на котенка, которого пытаются спихнуть с полюбившегося подлокотника. Вско-

ре наступает ночь. Бабушка-котенок просыпается и начинает звать кого-нибудь на помощь: у нее, мол, замерзли ноги, и она жалобно просит укрыть их. К ней подходит измученная медсестра и видит, что ноги у нее укрыты и к тому же на них теплые шерстяные носки. Она пытается объяснить это старушке. Но для той это не имеет значения. Да и какой прок от носков и одеял, ведь бабушке **ХОЛОДНО**, бабушке **СТРАШНО**.

– Слушай, ты здесь с таблетками все-таки поосторожней. А то какие-то странные вещи начинаешь придумывать.

– Да ну тебя! – он явно обиделся. – Полежи здесь, как я, попробуй.

– Ладно, ладно! Выздоровливай скорей, да встретимся – сходим куда-нибудь, отдохнем по-человечески. Тут как раз Серега приехал обратно. Кстати, поговаривает о том, что близкие вернулись. Не слышал ничего такого? – я, наконец, перешел к причине моего посещения.

– Ну, слухи какие-то ходят, хотя, на мой взгляд, они никуда и не уходили.

– В общем-то, возможно. Но по крайней мере деятельности их не ощущалось.

– Молодые люди, закругляйтесь, закрываться пора! – В курилку заглянул старик охранник, по виду военный отставник.

– Хорошо. Пять минут и всё!

– Пять минут – не больше!

Мы подождали, когда его шаги стихнут дальше по коридору.

– Он еще говорил, что они собираются сворачивать какой-то эксперимент. Давай, давай, не молчи – времени мало. Говори, что знаешь!

– А что я могу знать такого, чего не знаешь ты? Ну, народ в последние дни какой-то слегка взбудораженный стал, по ночам теперь больше работают. Во-всяком случае, сквозь сон я постоянно какое-то движение в коридоре слышу. По два-три раза за ночь приезжают машины, судя по звукам двигателей – грузовые. Я так понимаю, что привозят новых пациентов сразу помногу. А так, никакой принципиально новой информации у меня нет.

Он был прав: знать что-то большее, чем остальные, он вряд ли мог. Вернее, мог – многочисленные знакомые часто по дружбе сливали ему информацию, но если не знал он, то, значит, не знал практически никто.

– А почему ты решил, что привозят пациентов? Может, наоборот – кого-то или что-то вывозят?

– Я же говорю: работы у врачей стало больше. В операционных всегда кто-то есть, хотя я понимаю, что это странно, потому что в палатах людей как-то не прибавляется.

Вернулся охранник и молча встал в проходе, с укоризной глядя на нас.

– Ладно, мне пора, – я поднялся.

– Давай, заходи еще.

В принципе, любой из нас в любой момент мог уехать из Города, но решались на это почему-то единицы, да и те, как правило, вскоре возвращались. Говорят, что опиум умеет ждать. Не знаю. Но то, что Город и безликие ждать умели, – это точно, испытал на себе. Идти домой не хотелось, и я уже третий час бесцельно кружил по району, выкуривая сигарету за сигаретой, отчего во рту скопился мерзкий, тягучий привкус, который я забивал пивом, и немного начинало мутить. За полночь, выйдя из очередного супермаркета, я, прислонившись к стене, устало в очередной раз закурил. В нескольких метрах напротив меня стояли они. Их синие, наполовину разложившиеся тела в истлевшей одежде не мерзли на ветру, хотя ночь была холодной; они стояли, чуть покачиваясь на непослушных ногах, и тихонько поскуливали. Когда-то они тоже были людьми: они влюблялись, где-то работали, у них были жены, дети, и полная луна, стоявшая сейчас над парком и их головами, не выгоняла их на улицу. Они стояли и, ожидая чего-то, тоскливо смотрели на меня. Что бы они мне рассказали, если бы могли говорить, если бы могли помнить? О чем они думают, и думают ли они вообще? Кто знает, может, они могли бы передать какие-то вести от ушедших? Но парочка опустившихся алкоголиков, хотя и казалась в ярком лунном свете восставшими из могил зомби, все же ими не была. Глядя на них, я подумал, что и мне с пьянством пора бы заканчивать. Я поднял бутылку на уро-

вень глаз и, мрачно посмотрев на плещущуюся в ней жидкость, сделал хороший глоток. И сквозь арки и неосвещенные лестницы пошел домой, решив обязательно исправиться завтра или послезавтра.

То, что безликие вновь активизировались, не могло не тревожить – ничего хорошего от таких периодов активности ждать не приходилось. Чем это закончится для нас на этот раз, оставалось только гадать. Придя домой, я разулся, бросил на кресло куртку, не раздеваясь, упал на нерасправленную кровать и мгновенно отрубился.

Проснулся я от того, что замерз. Судя по начинающему робко сереть небу, было часа четыре утра. Так всегда бывает, если, перебрав пива, ложиться спать, – когда просыпаешься, то нестерпимо хочется в туалет и пить. Приоткрыв глаза, я встал и, немного поколебавшись, сначала посетил туалет, а затем нашел на кухне банку с кипяченой водой и выпил из нее почти половину. Вода была теплая и противная. Когда я вернулся в комнату, он сидел в кресле, задумчиво разглядывая царивший в комнате беспорядок.

– Привет, что ли! – он с интересом взглянул на меня.

– Привет... – я присел на кровать. – Что-то ты давно не заходил.

– Некогда было, да и ты сам-то так ли давно в Город вернулся? – усмехнувшись, он закурил. – Я тут по какому делу... Там знают, что мы с тобой друзья, поэтому просили пе-

редать, чтобы вы не очень больницей интересовались. Ни к чему это. Пока. С приятелем твоим я знаком постольку-поскольку, но, я надеюсь, ты ему передашь.

– А чего такой переполох? Неужели действительно там со жмуриками что-то делают?

– Да нет! Это глупости. Там обычные люди работают, а не какие-нибудь сумасшедшие ученые.

– А в чем тогда дело?

– Не в курсе, но поверь, не стоит там копать. Не стоит – мало ли что может случиться.

– Что, например?

– Ну не знаю я! Честное слово – не знаю! Какой же ты все-таки упертый?! – он улыбнулся одними губами, голос его прозвучал неожиданно устало: – Все не так просто, чтобы это можно было объяснить человеку со стороны. Тем более что я терпеть не могу что-либо объяснять тем, кто все равно ничего не сможет понять. Вот только без обид! Я не говорю, что ты тупой. Просто для того, чтобы ты смог меня понять – действительно понять, о чем я говорю, а не просто ухватить какую-то часть информации и интерпретировать ее в рамках своей картины мира, – мне бы пришлось объяснять тебе всё несколько дней или даже недель. А времени на это у нас нет.

– Как-то странно все это. У кого у нас? – мне было действительно непонятно, но он не ответил.

– Может, выпьем? – после паузы спросил я. Естественно, он все знал, но рассказывать явно ничего не собирался.

– Ты же завязывать хотел? Что, кстати, правильно. Хотя, если по чуть-чуть, то давай.

Помолчав с минуту, он помахал мне рукой.

– Ау!

Я очнулся от своих мыслей. Сходив на кухню за бутылкой и закуской, я достал из шкафа рюмки и сел напротив него. Мы молча выпили.

– Да, давно я тебя не видел, – он закурил новую сигарету и, закинув ногу на ногу, начал пускать кольца. – Ты ничуть не изменился, прямо человек-константа.

– А сам-то! – возмутился я. – Ты где пропадал?

– Ты уже спрашивал. А я уже отвечал – занят был. Какой-то ты сегодня невнимательный, – он усмехнулся и вдруг, став серьезным, наклонился вперед ко мне: – Слушай, на твоём месте я бы не стал этого делать, но если тебе это действительно интересно...

– Что «это»?

– Не перебивай! – поморщился он. – Больница...

Если честно, то до его появления я про этот больничный бред и не вспоминал, но теперь мне действительно стало любопытно.

– Так вот. Если тебе это интересно, я могу тебя связать с одним человечком. Он раньше работал санитаром в морге госпиталя, кличка Понурий. Могу дать телефон.

– Давай. А почему Понурий?

– Увидишь – поймешь. Наливай!

Я разлил, мы выпили, потом еще. И вскоре как-то незаметно я уснул. Мне снилось, что я хожу в одиночестве осенним вечером по старому сосновому лесу и чего-то ищу. Тихо, промозгло, тоскливо, и никого, и ничего вокруг, лишь тишина и цепочка следов за мной. Когда я проснулся, его, конечно, уже не было, и о том, что он действительно был этой ночью у меня, напоминали лишь две рюмки на столе, окурки от двух разных сортов сигарет в пепельнице и бумажка с номером телефона.

Приведя себя и комнату в порядок, я позвонил по оставленному телефону и договорился о встрече в четыре часа в кафе у городского архива.

Где-то без четверти я, развалившись в пластиковом кресле, уже сидел за столиком и помаленьку пил горячий чай. На улице сегодня было еще довольно тепло, поэтому место я выбрал не внутри помещения, а на летней террасе. Он появился примерно через полчаса, извинился за опоздание и спросил, действительно посмотрел на меня. Я заказал ему пиво. Действительно, с первого взгляда на него становилось понятно, почему кличка так приклеилась к нему. Это был длинный, тощий, сутулый, со скомканными, давно не стриженными волосами человек лет тридцати – сорока – точнее было не определить. Кожа его была сплошь покрыта белыми пятнами от какой-то болезни. Было ощущение, что жизнь избивала его ежедневно, и он с этим давно смирился.

Я вдруг поймал себя на том, что и мне очень хочется дать

ему хорошего пинка. Не для того, чтобы унижить его еще больше, а чтобы спровоцировать его на ответ, чтобы он сбросил с себя этот виноватый вид и потребовал бы к себе уважения. Но я продолжал сидеть, глядя на него, положив подбородок на сложенные в замок пальцы и вытянув сложенные ноги перед собой.

– Не будем ходить вокруг да около. Что ты знаешь о больнице? – помолчав, начал я разговор. – Ты ведь об этом хотел мне рассказать?

– Госпитале, – улыбнувшись, он мягко, но с какой-то значительностью поправил меня. – Это бывший военный госпиталь, а может, что и не бывший. Мне говорили, что ты этим заинтересовался, – он вздохнул. – Ну что сказать? Там на самом деле какими-то темными делишками занимаются, но не персонал, нет. Кто-то другой. Те, кто там работает, – обычные врачи, сестры.

– И они не догадываются? – насмешливо «удивился» я.

– Догадываются, конечно. Возможно, даже знают о происходящем. Я-то всего лишь санитаром был. Куда мне? Но весь персонал, даже бывший, живет рядом с госпиталем.

Я вспомнил пустые, затихшие кварталы и поежился.

– И вообще, это довольно закрытая профессиональная община, поэтому любая информация остается внутри нее. И к тому же эту тему не принято даже между собой обсуждать, не то что кому-то постороннему рассказывать.

– Боятся?

– Конечно!

– А ты?

– А мне уже бояться нечего, всё – отбоялся, – он мерзко усмехнулся.

– Так, а конкретно – что там происходит?

– Да черт его знает. Я ведь всего лишь санитаром был, – он начал катать по столу – из руки в руку – пустую кружку, и я заказал ему еще одну. – А когда начал любопытство проявлять, то... – он посмотрел на покрытые пятнами руки, – пришлось уволиться по состоянию здоровья.

Мне стало немного не по себе, вот, видимо, что значит: «Не стоит там копать». Я перелил оставшийся чай в чашку и попросил принести себе новый чайник, заодно заказав ему еще пива. Он поблагодарил.

– Однако любопытство ты по поводу чего-то же проявлял, не просто же так?

Глядя на то, как он жадно, как будто для того, чтобы успеть выпить больше за чужой счет и потом на свои только «отшлифовать», глотает принесенное пиво, я вдруг почувствовал то лицемерное брезгливое презрение, которое испытывает к алкоголикам человек, уже начинающий спиваться, но пока еще держащий себя в руках.

– А ты отчего такой злой стал? – он сидел очень прямо, как-то только на половине стула, и, втянув голову в плечи, смотрел на меня. – Я тебя совсем не знаю, но мне почему-то кажется, раньше ты был добрее, человечней что ли.

– С чего ты взял?

Он был прав, и это было почему-то неприятно. Я действительно в последнее время стал как-то циничнее, резче, нетерпимее.

– Не знаю, просто мне так показалось. – Я продолжал смотреть на него, и он смутился. – Не похож ты на жестокого человека.

– Ладно, допустим. А что ты знаешь о безликих?

– Ничего. Но я думаю, что их на самом деле не существует. По крайней мере в том смысле, в котором вы их понимаете. Вы их придумали, чтобы оправдывать свои действия или бездействие, хотя они на самом-то деле ни на что повлиять не могут. Но это мое мнение.

– А теперь слушай, – вдруг доверительно наклонившись ко мне, зашептал он. – У меня школьная подруга тут в архиве работает, и, как я понял, ну, из некоторых ее намеков, архив имеет к этому определенное отношение – структуры все же соприкасающиеся, все дела, – и какой-то информацией она, наверное, сможет поделиться. Конечно, если ты скажешь, что от меня.

Он с легким самодовольством улыбнулся. Я догадался, что, видимо, эта подруга была влюблена в него еще со школьной поры, и, скорее всего, она единственный человек, который остался с ним после болезни. Что ж, жизнь сложная и порой крайне мерзкая штука.

– То есть ты хочешь сказать, что если я сейчас пойду в

архив и поговорю с ней, то могу что-то узнать?

Он утвердительно кивнул и пододвинул ко мне бумажку, на которой, видимо заранее, были написаны имя и должность.

– А ты подождешь здесь?

Он снова кивнул. Я допил свой чай, расплатился и пошел в архив, который находился в том же доме, где-то в двадцати метрах от кафе.

Разгоряченный после долгого сиденья на солнце, я с удовольствием зашел в прохладное помещение. Оглядевшись по сторонам, я заметил сбоку от двери с надписью «Бухгалтерия» каморку вахтерши. Я заглянул туда: женщина лет пятидесяти увлеченно смотрела сериал по старенькому черно-белому телевизору.

– Здравствуйте, а как бы мне увидеть...

Договорить я не смог – вдруг меня внезапно накрыл приступ. На непослушных ногах, не слыша сквозь гул в ушах, что мне говорила вахтерша, не обращая внимания на появившееся на ее лице выражение недоумения и беспокойства, я быстро вышел на улицу и, оперевшись рукой на ствол дерева, начал собирать в кучу разбежавшиеся по сторонам мысли, чувства, определения.

Немного отдышавшись, я посмотрел в сторону кафе: Понурого, конечно, за столиком уже не было. Как не было уже и самого столика, и кафе. Улица была абсолютно чужая и

незнакомая. «Наверное, я, пока отходил от приступа, просто куда-нибудь забрел» – пришла мне в голову спасительная мысль. Я начал кружить по улицам, пытаюсь найти это кафе, но безуспешно. У прохожих спрашивать я не решился – непонятно было, что они обо мне подумают. Полчаса я ходил по городу, не узнавая ни улиц, ни домов. «Вот, наверное, что-то подобное испытывают больные амнезией», – подумал я. Но я-то ведь все помню, а значит, это что-то другое. В чем тогда дело? Внезапно на одном из поворотов я наткнулся на старинное кирпичное здание, стоявшее на самой окраине города, среди начинающегося соснового леса. И вдруг я начал вспоминать...

Я вспомнил этот вросший в землю, заброшенный небольшой монастырь, вспомнил Леху в летной куртке, музыку, которую он играл на разбитом фортепьяно. Этот город фактически уже был захвачен, и, в сущности, мы были обречены. А я сидел и слушал тоскливые обертоны его пальцев. Это не было агонией, скорее апатией, апатией оттого, что мы проигрывали эту войну. Да, ночь становилась все длиннее, но это уже не имело никакого значения – нас становилось все меньше и меньше.

Воспоминание промелькнуло перед глазами за пару секунд, но я понял: да, это то самое место. Но как я здесь оказался и зачем? Чем было то, что я только что вспомнил, и когда это могло произойти? Что вообще все это значит?

Сзади тихо подошел Леха и встал рядом.

– Бинго! Привет еще раз!

– Здравствуй, здравствуй, – я был не на шутку на него зол, – ты это все специально подстроил?

– Зачем? – он пожал плечами. – Рано или поздно это все равно бы случилось. Честно говоря, рад, что ты вернулся.

– Я тоже. Слушай, а как так получилось, что я ничего этого не помнил, жил в каком-то другом мире? И почему я смог вспомнить все это сейчас?

– Я думал, ты уже догадался. Ты же помнишь то ли теорию, то ли легенду о ветре воспоминаний?

– Дай подумать... Кажется, что-то знакомое, но все-таки давай поподробней.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Затем закрыл глаза и начал рассказывать голосом отвечающего на экзамене ученика.

– Ветер воспоминаний дует везде и всегда, составляя наш мир, и мы, и наши действия являемся лишь частью потока, воспоминанием чего-то о чем-то. Что-то вспоминается часто и четко, что-то забывается, какие-то воспоминания со временем искажаются, хотя и не принципиально, – он открыл глаза и заговорил нормальным, человеческим голосом: – А вообще, по сути дела, воспоминание, как и сон, очень легко изменить, потому что физически ни того, ни другого не существует. Просто нужно знать как.

– И ты знаешь?

– Мы знаем, – он достал из внутреннего кармана фляж-

ку, – будешь?

Когда я отказывался?

– Буду, конечно.

Мы по очереди отхлебнули из горлышка и, отойдя в сторону, сели на широкие каменные ступени крыльца. Мимо проехал тяжелый грузовик с красными крестами на темно-зеленом тенте.

– Чем тогда все закончилось?

– Ничем. Это не закончится никогда, по крайней мере для нас. Заправься, – он поднялся и поправил берет. – Пойдем – тебя ждут.

ЛАБИРИНТ

Где-то на горизонте еще виднелись торчащие из воды надстройки и мачты, когда очередная волна бросила меня вниз и затянула на глубину. И теперь, задыхаясь, я рвался наверх, к свету. К свету и воздуху. Легкие мои, казалось, сжались и ссохлись, и я отчаянно стремился к пятну солнца, которое где-то вверху, качаясь на волнах, ломалось на куски и блики. Вот оно все ближе и ближе, еще один круг, описанный руками, и вот моя правая, прорвав эту хрупкую границу, ударяется обо что-то твердое и массивное.

«Дно! Нет, неужели я плыл вниз, а не вверх!» – панический ужас пронизывает меня. И вдруг... Вдруг я понимаю, что могу дышать. Сделав судорожный вздох, я открываю глаза и вижу свои пальцы, скребущие по влажному кафелю дна какого-то бассейна. По черной полосе – одной из тех, что проходят вдоль дорожек.

Немного отдышавшись, я встал и на нетвердых ногах, максимально крепко хватаясь трясущимися, неуверенными руками за перила лестницы, поднялся наверх – на бортик – из кафельного пустого провала и огляделся. Я находился в довольно большом, тускло освещенном где-то спрятанными светильниками помещении без окон, с единственным проходом в одной из стен, вдоль которых еще стояли почерневшие от времени скамейки. Несмотря на то, что я был абсолютно

голым и мокрым, холода я не ощущал.

Завернув за поворот коридора, которым оказался проход, я очутился в длинной узкой комнате. По-видимому, когда-то здесь была душевая – вдоль стен тянулись проржавевшие, местами до дыр, перегородки кабинок. В некоторых из них еще стояли изогнутые металлические конструкции, из которых лился кипяток. Здесь было душно, под высоким потолком скопился пар, сквозь который с трудом пробивался свет редких ламп. На другом конце душевой – будем называть ее так – была тяжелая, толстая и разбухшая от впитавшейся влаги деревянная дверь. С трудом ее открыв, я оказался в ярко освещенной, абсолютно пустой комнате, в которой, однако, к моему сожалению, не было ни одной двери, кроме той, через которую я вошел. Обойдя комнату по периметру и внимательно осмотрев стены, убедившись, что другого выхода отсюда нет, я пошел обратно.

Вновь дойдя до изгиба коридора, я вдруг обнаружил еще одно ответвление в противоположную той, откуда я сначала пришел, сторону. Казалось бы, еще несколько минут назад его не было, хотя, с другой стороны, я мог его и не заметить.

Я вошел в него. Это оказался длинный, отделанный грязной керамической плиткой тоннель. Редко, примерно метров через пятнадцать – двадцать, расположенные на его стенах люминесцентные лампы были забраны металлическими пластинами с просверленными многочисленными отверстиями, которые пропускали наружу какой-то паскудный свет.

Стены были покрыты, помимо грязи, рисунками и надписями. Изредка то с одной, то с другой стороны попадались ходы-лестницы в другие коридоры, какие-то из них вели вверх, какие-то вниз. Наконец поняв, что по этому коридору можно идти до бесконечности, я поднялся по одной из лестниц и вновь оказался в помещении бассейна, но с другой его стороны. Немного подумав, я обошел его и вновь пошел по коридору, решив начать проверять все ходы по очереди.

На этот раз до первого ответвления я шел гораздо дольше. Хотя утверждать это было нельзя: часов у меня не было, окон тоже не было нигде. Так что я даже не мог понять, какое сейчас время суток; и сколько я уже здесь хожу, было совершенно непонятно: может быть, час, а может быть, день. Наконец слева появился проход. На этот раз лестница вела вниз. Спустившись по ней, я оказался на маленькой площадке, от которой очередная лестница вела дальше вниз: пролет за пролетом, как в многоэтажках. Я начал спускаться. Сначала я пытался считать этажи, но быстро понял, что это бесполезно – каждый пролет был отличной от предыдущего длины, более крутой или более пологий, с большими или меньшими по высоте ступенями, и, самое главное, каждый вел в каком-то своем направлении. Спустившись пролетов на десять, я было решил вернуться назад в тоннель, но, обернувшись и запрокинув голову, увидел лишь бесконечные, уходящие вверх пролеты лестниц, без малейшего намека на выход. Поэтому я предпочел (предпочел? ха... как будто у ме-

ня был выбор) продолжить спуск – как минимум это было легче физически, а я был измотан.

Чтобы как-то занять себя, я начал вспоминать свою прошлую жизнь. Воспоминания были очень яркими, но как будто я видел все это со стороны. Почему-то в голову приходили только те моменты счастья, которые уже были безнадежно упущены, и мысли, что я уже никогда не смогу этого вернуть или исправить и что, как зачастую бывало, я сам все, что было хорошего, разрушил своими руками, раскаленным свинцом переливались в моей голове.

Странно, несмотря на то, что я уже явно не один час ходил по этому лабиринту, я не чувствовал ни усталости, ни голода, ни жажды. Даже спасительного желания спать, несмотря ни на что, не приходило. А значит, нельзя было забыться, уйти от этой кошмарной действительности и этой бесчеловечной, беспристрастной памяти, которая неотступно следовала за мной каждую секунду.

И так бесконечно ходил я по этим бесчисленным тоннелям, лестницам, коридорам, попадая в некоторые из них по несколько раз. И бесконечно продолжалось мое молчаливое шествие. Я шел, раз за разом заново переживая каждый день своей жизни, не испытывая ни холода, ни усталости, ни боли (да, я, конечно, пытался покончить с собой, и даже не один раз, но безуспешно), по безлюдным коридорам. Только тоска и рвущие душу воспоминания ходили со мной.

Наконец в один прекрасный момент – о, он был действи-

тельно прекрасен! – в одном из коридоров я услышал доносящиеся из-за поворота чьи-то робкие шаги, испуганные голоса. И лишь один бодрый голос выделялся из них. Я облегченно вздохнул, еще до конца не веря, что сейчас все может закончиться. И вдруг, увидев в висящем на стене осколке зеркала отражение своей бычьей морды, я улыбнулся и крепче сжал занесенную над головой ржавую секиру.

ЗАКАТ ЭЛЛАДЫ

Как всегда, проснувшись, Старик вышел из дома и спустился по знакомой тропке через туман к реке. И как всегда, до лодки его провожал пес – единственный друг за всю его долгую жизнь. Старик сел в лодку и отплыл на середину медленно струящейся холодной реки. Он делал это каждый день на протяжении многих лет. Он привычно достал со дна лодки удочку и, закинув ее в воду, зафиксировал взгляд слеющих глаз на поплавке. Он еще ни разу ничего не поймал и знал, что никогда не поймают, но ему нужно было чем-то занять себя.

Когда-то Старик перевозил через эту реку людей, и в течение многих лет их поток не иссякал. Люди приходили, платили ему монеты, и он перевозил их на другой берег. Так продолжалось день за днем, год за годом, в течение многих веков, пока однажды поток не начал постепенно уменьшаться. И в один из дней к нему уже не пришел.

Сначала Старик обрадовался неожиданному отдыху, но через некоторое время он – сначала лишь слегка, а затем все сильнее и сильнее – начал ощущать какое-то новое, незнакомое чувство – ему вдруг стало не хватать людей. Тех, кого он, в общем-то, никогда не любил.

Наконец, в один из дней, когда это чувство уже начало превращаться в навязчивую идею, он вдруг вспомнил про

примету, которую слышал от кого-то из своих пассажиров: чтобы вернуться куда-то, люди бросали там в воду монетку. И Старик подумал, что если те деньги, которые давали ему люди за переправу, кинуть в реку, – они вернуться.

Поначалу он кидал монеты в воду пригоршнями – за долгие годы у него их скопилось огромное количество, и, в принципе, они ему были не нужны. Так прошел год, или два, или больше: Старик никогда не вел счета времени. Количество монет уменьшилось вполовину, но никто так и не пришел. Тогда он взял себе за правило бросать в воду не более десяти монет за день. Их запас стал таять медленнее, но берег реки по-прежнему оставался безлюдным. Тогда он решил быть рачительнее и кидать в день только по одной монетке.

Прошли годы.

Старик по-прежнему каждый день приходил к реке и с тревожной надеждой подолгу вглядывался в противоположный берег, с которого он лишь раз перевез обратно молодую пару. После чего садился в старую лодку и, скрипя веслами, отплывал на середину реки, где, глядя застывшими глазами на неподвижный поплавок, зябко кутался в старый плащ и вспоминал лица тех, кто когда-то сидел в его лодке напротив.

Вечером он возвращался обратно, заходил в дом, разводил огонь в очаге и садился в кресло, не отводя глаз от огня. К нему подходил его старый беззубый пес, ложился возле ног, клал свои головы на лапы, и в его полуслепых глазах

отражались языки пламени. Через некоторое время они за-
сыпали. И тишину нарушали лишь редкие звуки падающих
с потолка пещеры капель.

ЗАРОЖДЕНИЕ

Тонкая ученическая тетрадка заполнена примерно наполовину, но так как часть листков обгорела, то прочитать можно немного. Почерк неровный, скомканный. Найдена командой добровольцев во время прочесывания Старого города после снятия карантина.

...числа, понедельник

На днях у нас приключилось презанятнейшее событие, а именно: Петр Иванович, сын нашего соседа с 25-го этажа Ваньки Пигмеева, рассказал, что, играя наемни со своими друзьями во дворе, они через пробоину в стене видели в подвале некое чудище. Как выразился четырехлетний сорванец, «обликом зело престранно и погано». Это выглядело тем более загадочно, что обитавшие в подвале гигантские крысы никого постороннего на свою территорию не пускали. Они жили там обособленной колонией и мирного договора с жильцами нашего дома не нарушали, выходя наружу только после наступления комендантского часа, чтобы совершить набег на помойку и поохотиться на бездомных кошек и собак. Впрочем, так как Муниципалитет усердно борется с этими паразитами, крысам все чаще приходится довольствоваться бродягами и одинокими странниками, не успевшими добраться до постоянных дворов.

Судя по описанию Петра Ивановича и найденному на чер-

даке старинному справочнику по зоологии, виденное им существо является чем-то или кем-то наподобие паука или таракана.

...числа, вторник

По словам Смотрящего За Домовой Территорией Михея, сами крысы от комментариев воздерживаются, но было замечено, что выглядят они встревоженно и явно чем-то взволнованы. В то же время нельзя не отметить, что в их действиях в последнее время все больше прослеживается некая организованность и появление зачатков иерархии. Кто-то из сторонников Эволюции говорит, что это было неизбежно. Те же, кто настроен более приземленно и не верит во всякие метафизические теории, ограничиваются тем, что считают это дело исключительно недоработкой Муниципалитета.

...числа, суббота

Манька со второго этажа утверждает, что слышала третьего дня доносившиеся из подвала звуки, напоминающие хоровое пение. Возможно, это связано именно с появлением этого создания, которое, по всей видимости, стало играть в жизни крыс роль некоего ересиарха или даже божества. Что, на мой взгляд, является признаком появления у крыс неких зачатков культуры, пусть, скорее всего, и привнесенных из внешней среды. Сам я пока лично ничего не видел и не слышал, поэтому предпочитаю ограничиваться сбором инфор-

мации.

...числа, воскресенье

На всякий случай я наварил на окна еще одни решетки и укрепил входные двери – кто знает, чего теперь можно будет ожидать. Если что, месяц я смогу продержаться автономно: запасов питьевой воды, продуктов и боеприпасов к моему маленькому арсеналу хватит. Но надеюсь, до этого не дойдет.

Соседи сверху опять всю ночь что-то праздновали, громко крича и разухабисто отплясывая. Видимо, вновь придется жаловаться на них Смотрителю, но он, по-моему, повлиять на них не может или не хочет. Думаю, боится.

...числа, две недели спустя, воскресенье

Куда-то исчезли жильцы из первой и четвертой квартиры, возможно, съехали, но почему, когда и куда – никто, в том числе и соседи по этажу, не знают.

(лист частично обгорел) ...почему-то сказал, что это скоро должно закончиться...

...числа, понедельник, утро

В подъезде, особенно на нижних этажах, пахнет чем-то жженым.

...того же числа, вечер

Запах держится, явственно пахнет горелым мясом. По жа-

лобе Михея приходили из Муниципалитета, но источник не нашли, в подвал спускаться не стали. Кроме мерзкого запаха, все по-прежнему.

...числа, среда

На стене лестничной клетки между первым и вторым этажами появился рисунок с изображением странного существа, сидящего на костре. Возможно, это дело рук детишек, которых родители больше не выпускают играть во двор и которые теперь проводят время, играя в подъезде, хотя сами они это отрицают (рисунки, а не игру).

Запах горелого за последние дни усилился и теперь ощущается даже на верхних этажах. На первом уже не живет никто. О звуках пения говорят уже в открытую, причем не только вечно пьяная Манька, но и другие жильцы, хотя лично я ничего по-прежнему не слышал.

...числа, суббота, месяц спустя от предыдущей записи

Долго не писал, так как особо ничего не происходило, к тому же было некогда – навалилось много работы. Домой приходил, только чтобы поспать.

Подъезд теперь весь испещрен странными надписями на неизвестном языке и жутковатыми, хотя и примитивными, рисунками, но это точно не дети – их всех вывезли от греха подальше. Второй и третий этажи теперь тоже пустуют. Судьба их жителей неизвестна.

...числа, вторник

Ночью сгорел дом в соседнем квартале. Возгорание пошло с подвала и очень быстро охватило все двадцать этажей. Вырывающиеся огни пламени из пустых глазниц всех окон превратили дом в некое подобие гигантского факела. Что странно, все происходило в полной тишине, и жителей не было видно совершенно. Хотя дом до недавнего времени был жилой.

...того же числа, вечер

Запах гари все усиливается, жженым мясом теперь пахнет даже в квартире. Из дома теперь не выхожу, как и остальные. Общаемся, только ходя друг к другу в гости. Лифтом тоже лучше не пользоваться.

...числа, понедельник, неделю спустя, 5:07 утра

Пишу, сидя на крыше, огненные столбы горящих домов видны во всех направлениях. На востоке постепенно проясняется небо, свежий ветер приятно бодрит, а из соседнего парка слышны голоса просыпающихся птиц. Сейчас на крышу вышли все оставшиеся жильцы, это человек 30, все молчат и чего-то ждут. На двери, ведущей на лестницу, нарисован Он, сидящий на костре, а значит, нам уже в нее не зайти, там его территория.

Это конец, дальше не будет ничего. Больше всего волнует

мысль: что там с родными и друзьями, живы ли они? Хотя этого я уже не узнаю... Пение крыс уже слышится даже здесь. И все сильнее тянет дымом.